

Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начала XX века. К истории развития производительных сил

Успешное развитие производительных сил в любой стране возможно только в результате тесного сотрудничества представителей власти, делового предпринимательства и науки. Насколько такое сотрудничество было результативным в императорской России в конце XIX – начале XX столетия? Настоящая лекция представляет собой попытку ответить на этот вопрос.

Проблема развития производительных сил начинает занимать важное место в экономической политике российского правительства в начале 80-х годов. Едва ли можно считать случайным назначение на пост министра финансов подряд двух известных ученых, не сделавших традиционную бюрократическую карьеру. Николая Христиановича Бунге и затем Ивана Алексеевича Вышнеградского.

До вступления в должность товарища министра финансов в июле 1880 года Бунге был заслуженным профессором и ректором университета Святого Владимира в Киеве, автором многочисленных работ по истории финансов, денежного обращения, торговли и кредитов. Его опыт как государственного служащего сводился всего к нескольким годам работы в качестве управляющего киевской конторой государственного банка. Не смотря на это, в феврале 1881 года Бунге стал временным управляющим Министерством финансов, а в январе 1882 года – министром. Назначение университетского профессора на столь высокий административный пост было явлением чрезвычайным. Бунге был хорошо знаком императорской семье. Он читал лекции по финансовому праву в начале 60-х годов старшему сыну Александра II, великому князю Николаю Александровичу, а затем в 80-е годы – будущему императору Николаю II. Однако этим только отчасти можно объяснить неожиданный поворот в карьере киевского профессора.

Радикальные перемены в финансово-экономической жизни России после реформ 60-х годов неизбежно должны были повлечь за собой и перемены в финансовом аппарате. Для решения важных экономических задач, стоявших перед правительством, нужны были высокообразованные чиновники, новые экономические программы, и Бунге как раз обладал необходимыми данными для того, чтобы возглавить финансовое ведомство. Как писал позднее о нем Владимир Иванович Ковалевский: «Известный предприниматель и видный чиновник Министерства финансов, Бунге внес живую струю во всю деятельность Министерства финансов и был первым министром финансов, исходившим из твердого и ясного сознания, что узкий финансизм, исключительная забота о государственных финансах в тесном смысле, должен быть заменен экономизмом, широкой экономической политикой, направленной на развитие народного труда и производительных сил страны».

Бунге был хорошо знаком с современными ему западными экономическими теориями и мог оценить опыт промышленного развития европейских стран и Соединенных Штатов Америки. В своих записках Александру II и Александру III Бунге высказывался за принятие ряда мер общего характера для развития народного хозяйства. Его рекомендации представляли собой систему взглядов. Он выступил инициатором разработки современного фабрично-заводского законодательства, пересмотра акционерного законодательства, и создания условий для повсеместного учреждения акционерных коммерческих банков.

Система взглядов Бунге в известной степени соответствовала духу реформ 60-х годов. В 1882 – 1886 годах он провел отмену подушной подати. Он придерживался принципа всесословности в податной политике, считал необходимым обеспечить условия для развития производительных сил в деревне. Бунге связывал экономическое развитие страны с необходимостью изменения в системе государственного управления и создания в России объединенного правительства. Наконец, Бунге выступал против крайностей в политике государственного вмешательства в дела промышленности и финансов. Одним из первых среди государственных деятелей, Бунге поставил вопрос о преодолении экономической отсталости России. Главной причиной этого явления он считал тридцатилетний застой в царствование Николая I.

Однако система взглядов Бунге не нашла в достаточной мере своего воплощения в его политической деятельности. Осторожный и нерешительный политик, Бунге либо не осуществил в полной мере многие из намечавшихся им реформ, либо даже не решился их отстаивать. Примечательно то, что предполагавшаяся им система реформ, рассматривалась им как средство борьбы с распространением социалистических идей. Впрочем, эта направленность программных преобразований, предложенных Бунге, не обратила на себя внимания верховной власти.

Министерская деятельность Бунге совпала с резким изменением общеполитического курса. Один из его идеологов, редактор «Московских ведомостей» Михаил Никифорович Катков открыл кампанию против Бунге на страницах своей газеты. С объединением Германии, Италии, появлением Австро-венгерского государства в Европе стали модными идеи национализма и развития национальной экономики. Они получили теоретическое обоснование в сочинениях немецкого экономиста Фридриха Листа. Политика фритредерства уступила место протекционизму.

В России эти теории уже имели подготовленную почву. Польское восстание 1863 года отбросило многих либерально мыслящих представителей русского общества на националистические позиции. К ним, в частности, принадлежал и Катков. Он поставил перед собой цель добиться смещения со своих постов министра иностранных

дел Гирса и министра финансов Бунге, как людей, имевших немецкие корни, и назначения вместо них министров русского происхождения. Катков умер в 1886 году. До своей смерти он успел осуществить только часть намеченной программы и добиться отставки Бунге.

В организованной Катковым кампании против Бунге помощником всеильного редактора «Московских ведомостей» выступил Вышнеградский, профессор механики Технологического института в Петербурге. А с 1875 по 1878 год – его директор. Вышнеградский был также известен как профессор Михайловской артиллеристской академии, автор многочисленных трудов в области механики и машиностроения. С начала 1887 года он возглавил Министерство финансов. Это назначение опять-таки было беспрецедентным.

Дело в том, что Вышнеградский был не только крупным ученым, но и человеком, занимавшим видное место в предпринимательском мире как один из деятелей, главных деятелей Петербургского водопроводного общества, и фактически, председатель общества Юго-Западных железных дорог. К моменту назначения на министерский пост состояние Вышнеградского оценивалось в миллион рублей. Итак, во главе финансового ведомства России оказался не только ученый, но и опытный предприниматель, хорошо осведомленный о состоянии тяжелой промышленности, железнодорожного дела в России. Программа Каткова, которую должен был осуществлять Вышнеградский, отличалась от программы Бунге консерватизмом и была национально окрашена. Однако Вышнеградский очень скоро отказался от очень многих положений программы Каткова, а его экономический курс, что очень важно, также принял системный характер и преследовал ту же цель, что и политика Бунге, а именно, развитие производительных сил страны и национальной экономики.

Система Вышнеградского включала в себя разработку и усовершенствование железнодорожных тарифов, введение строгого протекционизма, усиление косвенного налогообложения, конверсию, прежде всего, внешней государственной задолженности, накопление золотого запаса для введения золотого денежного обращения в стране, ликвидацию денежного дефицита. Именно в период пребывания Вышнеградского на посту министра финансов правительство широко привлекает ученых для разработки важных экономических документов. В частности, большая группа ученых, специалистов в разных сферах промышленности и торговли, участвовала в разработке протекционистского тарифа 1891 года. Среди них особая роль принадлежала Дмитрию Ивановичу Менделееву, назначенному начальником палаты Мер и Весов, которая находилась в ведении Министерства финансов. Вышнеградскому удалось ликвидировать бюджетный дефицит, обеспечить приток иностранных капиталов в виде займов. В этой операции ему помогал агент Министерства финансов в Париже И.Ф. Цион, известный физиолог, учитель Ивана Петровича Павлова, крестник Каткова и убежденный его последователь. И.Ф. Цион из-за своих консервативных взглядов подвергался гонениям со стороны студентов-медиков Хирургической академии и вынужден был сменить научную карьеру и заняться политической деятельностью. Впрочем, отход Вышнеградского от программы Каткова, в конечном счете, привел к конфликту И.Ф. Циона с Министерством финансов и разрыву отношений с Вышнеградским, а затем и с его преемником Сергеем Юльевичем Витте.

Система Вышнеградского не выдержала испытания в голодные 1891-92 годы. Наступила расплата за стремление министра любой ценой добиться бездефицитного бюджета. Не смотря на неудачный, даже трагический результат политики Вышнеградского, нельзя отрицать того, что он и Бунге заложили основы системного принципа в разработку экономической политики правительства, сделав развитие производительных сил и национальной экономики ее стержнем. Однако, до сих пор в научной литературе, в известной степени благодаря книге американского историка Теодора фон Лауэ под названием «Сергей Витте и индустриализация России», выделялась система Витте именно как образец экономической политики конца XIX столетия, а не системы Вышнеградского или Бунге.

Витте въехал в Министерство финансов, можно сказать, на плечах Вышнеградского. После окончания Новороссийского университета в Одессе молодой Витте отказался от научной карьеры и отдал предпочтение сфере частного предпринимательства, где преуспел и очень скоро занял влиятельный и доходный пост управляющего Юго-Западными железными дорогами. В Обществе Юго-Западных железных дорог Витте сблизился с Вышнеградским, принял активное участие в кампании против Бунге, а вскоре после назначения Вышнеградского министром, при поддержке все тех же «Московских ведомостей», получил пост директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. В августе 1892 года, в связи с болезнью Вышнеградского, Витте сделался его преемником.

Как и Вышнеградский, Витте пришел на пост министра финансов из сферы частного предпринимательства с репутацией специалиста и теоретика в области тарифного дела. К началу своей бюрократической карьеры Витте уже был известен как автор книги «Национальная экономия и Фридрих Лист». В ней он призывал отказаться от космополитических теорий в области экономической политике и приступить к ускоренному развитию национальной промышленности. Витте не рассматривал свою экономическую программу как средство борьбы с социалистическими или иными революционными идеями, но рассчитывал, как он выражался, что «сумеет купить нашего разночинца», тех, кто делает революцию.

На протяжении второй половины 90-х годов взгляды Витте пережили известную корректировку и в реальной политике приняли системный характер. Система Витте предусматривала ускоренное развитие национальной экономики в течение двух пятилетий, с целью догнать передовые в экономическом отношении европейские страны. Средствами для достижения этой цели стали государственное вмешательство в экономику, финансирование предприятий, в которых было заинтересовано правительство, выкуп в казну железных дорог, аккумуляция капиталов в России за

счет увеличения косвенных налогов, введение винной монополии, привлечение иностранных капиталов в виде займов и инвестиций. Впервые была провозглашена политика так называемого «мирного экономического проникновения» на рынки стран Дальнего и Среднего Востока. Проникновение с тем, чтобы подготовить впрок эти рынки для развивающейся отечественной промышленности, используя государственные иностранные капиталы.

С самого начала своей министерской деятельности Витте постоянно привлекал ученых-экспертов для разработки тех или иных вопросов своей программы. Помощниками Витте в решении важных экономических вопросов выступали Менделеев и видный экономист, финансист Илларион Игнатьевич Кауфман. Поддержка Менделеева оказалась для Витте чрезвычайно важной. Министр использовал научный авторитет выдающегося химика, чтобы убедить императора в необходимости проведения подготовленных в Министерстве финансов реформ. В лице Менделеева Витте нашел безусловного единомышленника, сторонника форсированного развития отечественной промышленности. Как установил московский историк Иосиф Фролович Гендин, опубликовавший еще в 1976 году в девятом номере журнала «Вопросы истории» пространную статью под названием «Дмитрий Иванович Менделеев и развитие промышленности в России», Менделеев по просьбе Витте обращался к Николаю II, по крайней мере, трижды с письмами в защиту экономической политики министра финансов. В 1897 году Менделеев в письме императору убеждал его не обращать внимания на критику со стороны «хлеботорговцев» таможенного тарифа 1891 года и доказывал важность установления новой тарифной системы для развития не только отечественной промышленности, но и сельского хозяйства. В ноябре 1898 года Менделеев писал Николаю II о важности создания условий для притока капитала в Россию и приводил в пример Соединенные Штаты Америки, где приток английских и французских капиталов обеспечил быстрый промышленный рост на ранней стадии развития экономики. И вновь подчеркивал значение индустриализации и для развития сельского хозяйства. Эти темы Менделеев продолжал развивать и в своем письме императору в октябре 1901 года, объясняя попутно международный характер наступившего кризиса и неизбежность трудностей на пути экономического роста страны.

Витте, быть может, как никто другой из министров отдавал себе отчет в значение науки для развития производительных сил страны. Этим объясняется, в частности, его решение создать в России сети политехнических институтов. Заметим, что этот проект Витте не был встречен властью, по крайней мере, в начале с достаточно глубоким пониманием, ибо Николай II предпочитал придать Политехникуму в Петербурге некое военное устройство. Он затребовал по этому поводу соображения князя Гагарина, назначенного директором этого учебного заведения, и был раздосадован, когда не получил с его стороны ожидаемой поддержки. Именно выпускникам и преподавателям петербургского Политехникума предстояло сыграть в годы Первой мировой войны и революции важную роль в разработке разного рода экономических программ. Система Витте не выдержала испытаний мирового экономического кризиса, русско-японской войны и революции. В условиях войны и революции о какой-нибудь системе экономической политики не могло быть и речи.

После того как Витте в 1903 году вынужден был покинуть пост министра финансов, его сменил Эдуард Дмитриевич Плеске, опытный и осведомленный чиновник, не связанный, однако, ни с деловым предпринимательством, ни с научными кругами. То же самое можно сказать о Владимире Ивановиче Коковцове, который возглавлял Министерство финансов с 1904 по 1914 год, за исключением короткого перерыва в 1905-1906 годах.

До 1907 года правительство не могло и думать, по признанию самого Коковцова, о какой-либо созидательной политике. А после 1907 года его главной задачей стало финансовое обеспечение столыпинской земельной реформы. В правительственных сферах стал обсуждаться вопрос уже не о том, чтобы догнать в экономическом отношении более развитые европейские страны, а о развитии сельскохозяйственного производства, принимая во внимание то, что Россия была, прежде всего, страной аграрной.

После революционных событий 1905-1907 годов в России активизируется деятельность политических партий и объединений представителей крупного капитала. К ним переходит инициатива в разработке программ развития производительных сил и промышленности страны. Эти проблемы отныне – предмет регулярных обсуждений на заседаниях Совета съездов представителей промышленности и торговли, на заседаниях с приглашением ученых-экономистов и постановкой научных докладов. В Москве деловым интеллектуальным центром стал Банкирский дом братьев Рябушинских. Уже накануне предвоенного промышленного подъема Рябушнские ощущали себя представителями идеологии национального предпринимательства. Это нашло свое отражение в поддержке и финансировании такого издания, как «Утро России», в постройке в Москве крупной современной типографии, в организации экономических бесед с приглашением петербургских участников, в том числе из Общества заводчиков и фабрикантов и, наконец, в создании партии прогрессистов. Экономические беседы проходили на квартире Рябушинского на Пречистинском бульваре. Здесь, в частности, обсуждались доклады о синдикатах и трестах, о промысловом налоге, в связи с земским и городским обложением. И в экономических дискуссиях принимали участие известные историки, правоведы и экономисты.

В атмосфере содружества молодых московских промышленников с людьми из мира науки формировались и политические программы российской буржуазии. За сравнительно короткий срок она пережила удивительную эволюцию. На смену бывшим откупщикам и железнодорожным королям пришло новое поколение современных, европейски образованных предпринимателей. Многие из представителей этого нового поколения владельцев банкирских домов посвятили себя научной деятельности, сохранив за собой долю участия в семейных предприятиях

или, получив высшее образование, вошли в правления крупных акционерных компаний. Так, например, внук Якова Полякова, Владимир Лазаревич Поляков, в ноябре 1897 года был возведен в потомственное дворянство, в мае 1898 года, в виде исключения, ему было разрешено поступить в Институт инженеров путей сообщения, а в 1904 году он был причислен к Управлению генерального комиссара Всемирной выставки в Сан-Луис. Получив образование инженера-путейца, Поляков входил затем в состав правления Сибирского торгового банка, а после октября 1917 года он был финансовым советником Британского посольства в Петрограде. Семья Гинзбургов принадлежала к кружку либерально настроенной столичной интеллигенции. Гораций Гинзбург был известным гебраистом, его сын Давид – ученым-востоковедом. Гораций Гинзбург поддерживал близкие отношения с издателем газеты «Порядок» Стасюлевичем, участвовал в финансировании газеты. В круг знакомых Гинзбургов входили такие известные люди как Стасов, Рубинштейн, Тургенев и другие.

У истоков банкирского дома Рябушинских в начале XIX века стояли мелкие лавочники. Торговый капитал стал основным источником их обогащения. Понадобилось несколько поколений для того, чтобы семья могла в 1902 годы открыть банкирский дом. Наука и искусство были теми областями человеческой деятельности, которые притягивали буквально всех представителей третьего поколения Рябушинских. Заметный след в отечественной науке оставил Дмитрий Павлович Рябушинский. Он увлекся аэродинамикой. После окончания Московской практической академии, где обычно учились Рябушинские, он продолжил образование в Гейдельбергском университете, а осенью 1904 года открыл в семейном имении Рябушинских первый в мире аэродинамический институт.

К началу XX столетия сближение науки с предпринимательством становится совершенно очевидным и принимает различные формы. Впрочем, в университетских и академических кругах все еще считалось не очень достойным совмещать преподавательскую деятельность с участием в правлениях акционерных обществ. Сказывалось традиционное отношение российской интеллигенции к купечеству и буржуа. Однако с годами это отношение постепенно стало меняться, в особенности в среде экономистов. Некоторые из них в канун Первой мировой войны заняли весьма влиятельные позиции в российском деловом мире как, например, профессор Московского университета, известный экономист и член Государственного совета Озеров. В 1912 году он выступил инициатором создания Центрального банка общественного кредита. Он был членом Совета Русско-Азиатского банка, входил в состав правлений различных акционерных обществ. В самых первых числах сентября 1914 года Озеров обратился со специальной запиской к Николаю II. «Умоляю Вас, государь, - писал Озеров, - о снятии тормозов с развития производительных сил страны». Для этого Озеров считал необходимым, прежде всего, изменить отношение к предпринимательству. «У нас, - жаловался он, - слово коммерсант считается чуть ли не бранным». И призвал правительство содействовать созданию условия для пропаганды предпринимательства в печати, привлечению публики к дивидентным бумагам. Призывал покончить с волокитой, мешавшей открытию новых акционерных предприятий. «Последнее время русские люди стали учреждать предприятия на английской и французской территории по законам тех стран, - предостерегал Озеро, - Для того, чтобы получить разрешение на открытие акционерной компании, здесь нужно шесть-девять месяцев, а то и больше, а там то же самое можно сделать за несколько дней». Озеров призывал к орошению пригодных для хлопководства земель, созданию собственной сырьевой базы для текстильной промышленности и пытался убедить Николая II отменить существовавшие ограничения для еврейского населения империи. В 1916 году Озеров организовал в Петрограде созыв первого Всероссийского съезда представителей банкирских домов. Он предлагал создать союзный банк или союзную банковскую организацию, которая объединила бы банкирские дома и конторы и заведовала бы их отношениями с заграницей и денежными рынками. Озеров стремился, как он объяснял это позднее в своих мемуарах, создать обширный рынок для размещения дивидентных бумаг и, следовательно, создать прочную базу для развития у нас мощной промышленности.

Именно проблема развития производительных сил страны, ее промышленности начинает серьезно беспокоить деловые круги России накануне и в период Первой мировой войны. Еще в 1911 году на очередном съезде представителей промышленности и торговли петербургский предприниматель и один из руководителей совета съездов Владислав Владиславович Жуковский достаточно ясно определил задачи торгово-промышленных кругов. «Мы обязаны думать об общем положении страны, - говорил он, – Мы обязаны проявлять известное свое сознательное отношение к народным задачам. Мы должны стараться сами быть частью мозга страны. Мы не можем отказаться от идейной работы. Богатство народа зиждется не только на земле, не только в фабриках, не только в деньгах, но может быть, главным образом, в известных нравственных устоях и идейных вкладах. И вот в этом отношении торгово-промышленному классу надо проявлять свою работу, свою мысль, свое сознание. И с этого момента, когда нам удалось объединиться, мы вправе выступать и стремиться к настоящей государственной программе с нашей торгово-промышленной точки зрения, как синтеза наших практических интересов и наших идейных взглядов».

В самый канун войны, в июле 1914 года совет съездов представителей промышленности и торговли подал в Совет министров записку. Она содержала предложение о созыве особого совещания для обсуждения мер к развитию производительных сил России. А в мае 1915 года был опубликован доклад об учреждении высшей экономической комиссии по образцу особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданного в 1902 году Сергеем Юльевичем Витте. Обращение к системе Витте, в данном случае выглядело, как

демонстрация намерения деловых кругов объявить себя преемниками экономической политики правительства, прерванной русско-японской войной и революцией. В начале 1916 года в общественных организациях российской буржуазии была подготовлена докладная записка об учреждении экономического совещания для выработки программы ликвидации всех военных потерь и развития производительных сил страны. Этот документ, исходивший из предпринимательских организаций, несомненно, отражал новый этап в отношениях между правительством и российской буржуазией. Отныне она намеревалась решать на равных с правительством вопросы развития отечественной экономики и претендовала на первую роль в определении курса развития производительных сил страны. К его разработке были привлечены профессора Петроградского политехнического института и Петроградского университета, такие как Бернадский, Фридман, Буковецкий, Кулешов, Боголепов.

В самом начале октября Михаил Владимирович Бернадский подготовил финансовой комиссии совета съездов доклад, который предусматривал проведение планомерной и рациональной экономической политики и составление плана экономического строительства, самостоятельного развития России в рамках культурного сотрудничества с дружественными нациями. В докладе намечалась серия реформ, в частности, банковского законодательства. Государственный банк должен был стать независимым эмиссионным учреждением. Предусматривалось возвращение к золотому стандарту, пересмотр рабочего законодательства, поощрение развития кооперации, борьба с мародерством, с роскошью неожиданно обогатившихся.

Бернадский продолжал разработку своих проектов после февраля 1917 года в комиссии по развитию производительных сил России, созданной Временным правительством. Бернадский принимал участие в работе Временного правительства с первых чисел марта 1917 года, а в последний его состав вошел в качестве беспартийного и занял пост министра финансов. Как это ни кажется парадоксальным, но Временное правительство не успело и не сумело установить доверительные отношения с представителями банковских структур Петербурга и Москвы и заручиться их безусловной поддержкой. По мнению исследователя экономического положения России после февральской революции 1917 года Сергея Ивановича Беляева, Временное правительство не успело провести необходимые финансовые реформы, а целый ряд его законопроектов вызвал только раздражение среди влиятельных финансистов. В частности, уголовное преследование за вывоз из страны валюты, запрет на продажу валюты банкам и клиентам в России, запрет на пересылку и ввоз из нейтральных государств русских ценных бумаг и купонов. В результате банкиры сделали ставку на заговор Корнилова и готовы были финансировать этот заговор.

С падением Временного правительства наметившееся было сотрудничество людей науки и предпринимательства рухнуло. После октября 1917 года большинство представителей делового мира покинули Россию, в то время как мир ученых, озабоченных экономическим будущим России, раскололся. Такие его представители, как Кутлер, Озеров, Боголепов, Буковецкий и многие другие стали сотрудничать с новой властью.

Итак, сотрудничество между властью, предпринимательством и наукой в дореволюционной России ради развития производительных сил страны стало заметным явлением только к концу XIX века и так и не приняло устойчивого и целенаправленного характера. Это объясняется, прежде всего, самодержавной природой власти в России и консервации феодального мышления в правящих кругах. Идеи предпринимательства были чужды Николаю II. Когда в 1895 году министр двора Воронцов-Дашков обратился к царю с докладом о целесообразности пересмотреть, с учетом происходивших в обществе и стране перемен, предпринимательскую политику на кабинетских землях, принимая во внимание, что доходы кабинета от промышленных предприятий были неоправданно низкими, царь не проявил интереса к этой инициативе.

В России не было полной предпринимательской свободы даже накануне первой мировой войны, когда в стране сформировались и политические партии, и буржуазные организации. Вплоть до 1917 года в стране сохранялась система разрешительного акционерного учредительства, не было осуществлено введение торгово-промышленных палат. Тенденция ограничения частной инициативы сохранилась даже в политике Временного правительства, которое уже в марте 1917 года ввело хлебную монополию, отразившуюся отрицательным образом на развитии частной торговли. Российские буржуа традиционно домогались получения дворянских титулов и связанных с этим привилегий, в то время как коренное российское дворянство сравнительно медленно постигало уроки делового предпринимательства. Хотя к началу XX века деловая активность среди российского дворянства значительно возросла, и проявлялась в разных формах, известное предубеждение к людям из предпринимательского мира в этой среде не исчезло, что нашло свое отражение в классической русской литературе.

Все эти явления не могли способствовать успеху в совместных усилиях власти, делового предпринимательства и науки ради развития производительных сил в России.